

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
19 (82)

ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ
(ДРЕВНОСТЬ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ)



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1969

КНИГА „КАЛИЛА И ДИМНА“ КАК „ЗЕРЦАЛО“

Книга „Калила и Димна“ носит правоучительный характер. Главная, первоначальная и наиболее узкая ее цель — научить правителей мудро и справедливо управлять своим государством. Это Fürstenspiegel — „княжье зеркало“. И возникла эта книга, как рассказывает легенда, именно из необходимости показать, как нужно править народом, чтобы воспитать его в духе преданности и повиновения.

Александр Македонский — Двурогий, как называли его арабы,¹ одержав победу над индийским царем Форекон, назначил одного из своих приближенных на смену этому монарху. Однако скоро народ сверг назначенного правителя и поставил своего царя — Дабшалйма. Новый царь оказался гордым, чванливым и жестоким. В то время жил один брахманский философ. Он был известен своим умом и мудростью, и люди часто приходили к нему за советом. Увидев дурное обращение царя с народом и его несправедливость к подданным, Байдеба решил вернуть его к правде и справедливости. Разгневанный Дабшалым велел заключить философа в тюрьму, но через некоторое время раскаялся в своей жестокости и освободил Байдеба, сделав его своим министром. Байдеба составляет трактаты об управлении, и, следуя им, царь заслуживает любовь народа и признание соседей. Изучая жизнь своих предшественников, Дабшалым замечает, что царствование каждого из них отмечено какой-нибудь книгой.

Чтобы увековечить так же и свое имя, он поручает Байдеба составить книгу, содержащую уроки для царей, которые хотят обрести верность и послушание народа.

„Я хочу, чтобы ты написал мне хорошую книгу, приложив к тому весь свой ум. И пусть в ней будет показано, как управлять народом и воспитывать его, а также нравы царей и их управление подданными, чтобы те повиновались и служили царю, дабы отлегли у меня и у них многочисленные неизбежные государственные заботы. И я хочу, чтобы осталась эта книга памятью о минувших временах“.²

Вряд ли эта легенда может служить надежным свидетельством, тем более что включающее ее предисловие Бахнуда ибн Сахвана принадлежит, как выяснено,³ персам и относится ко времени более позднему,

¹ Александр Двурогий — Зу-л-Карнайн (ذو القرنين) — обычное в арабской литературной традиции имя Александра Македонского. См., например: Абу Рейхан аль-Бируни. Слово о разногласиях народов о том, кто такой царь, которого называют Зу-ль-Карнейном. Избр. произведения, Ташкент, 1957, стр. 49—55; Н. В. Пигулевская. Сирийская легенда об Александре Македонском. Палест. сборник, вып. 3 (66), 1958, стр. 86; Е. Э. Бертельс. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М.—Л., 1958, стр. 14—15.

² كتاب كليلة و دمنة عنى بنشرها الاب لوى شيجو بيروت 1905 ص 11

³ A. F. L. Beeston. The Ali ibn Shah Preface to Kalilah wa Dimnah. Oriens, vol. 7, № 1, 1954, pp. 81—84.

чем время возникновения сборника. Тем не менее оно верно передает его дух и направления.

М. Винтерниц, автор трехтомной „Истории индийской литературы“, убедительным доказательством нравоучительного назначения сборника считает введение, содержащееся во всех редакциях „Панчатантры“,⁴ в самом начале которого говорится, в частности, следующее:

„Вишнушарман,⁵ изучив самое главное из всех имеющихся в мире наук,⁶ создал в этих книгах учебник, радующий сердца“.⁷

И. Д. Серебряков единственным подтверждением дидактического характера „Панчатантры“ считает заключительную фразу этого введения: „С тех пор эта наука разумного поведения, называемая «Панчатантрой», служит в мире для обучения юношей“.⁸

„И это все, — пишет И. Д. Серебряков, — что может служить подтверждением дидактического характера «Панчатантры». Если же обратиться к конкретному анализу каждой из составных частей памятника, то больше нигде мы не встретим упоминания об этом“.⁹

Это утверждение едва ли справедливо хотя бы потому, что И. Д. Серебряков не принял во внимание краткого заключения к книге, которое ясно и недвусмысленно называет „Панчатантру“ „наукой разумного поведения“.¹⁰

Что же касается древнесирийской и арабской версий, то там философ Бидуг (Байдеба), поучающий царя Дабшарима (Дабшалйма), появляется вновь в начале каждой главы, именно в его уста вложены мудрые истории, составляющие рамку каждой отдельной главы и предназначенные в назидание царю. Проиллюстрируем это несколькими примерами.

Глава о голубе-вахире, о мыши и вороне.

Дабшарим спросил: „Как приобрести друга и какая польза от дружбы?“.

Бидуг ответил: „Кто умеет приобрести друзей и товарищей, тот может избавиться от несчастья и получить много добра. Так мышь, ворон, черепаха и газель извлекли из своей дружбы большую пользу“.

Дабшарим спросил: „Что это за история?“.

Бидуг сказал: „В стране Дахшабат был город“ и т. д.¹¹

Глава о черепахе и обезьяне.

Дабшарим сказал: „Я слышал, как приобретают друга и какая польза от дружбы. Теперь, если тебе угодно, расскажи о том, как покидает человека счастье, которое он нашел, но не сумел удержать“.

Бидуг сказал: „Найти счастье легче, чем сохранить его. Счастье быстро покидает того, кто, получив его, не знает, как сберечь. Так случилось, например, с черепахой, которая добивалась сердца обезьяны, а когда получила его, не смогла сохранить и потеряла“.¹²

Глава о совах и воронах.

⁴ Так, он пишет: „Введение, содержащееся во всех редакциях произведения („Панчатантры“, — А. П.), не оставляет никакого сомнения в том, что его целью было служить приятным и удобным руководством в политике для царских сыновей“ (М. Winternitz. Geschichte der indischen Litteratur. Leipzig, 1922, S. 277).

⁵ Вишнушарман — предполагаемый автор „Панчатантры“.

⁶ Буквально: „...наук о политике“.

⁷ См.: М. Winternitz. Geschichte der indischen Litteratur, S. 277.

⁸ См.: Панчатантра. Перевод с санскрита и примечания Л. Я. Сыркина, М., 1958, стр. 13.

⁹ И. Д. Серебряков. Древнеиндийская литература. М., 1963, стр. 45.

¹⁰ Панчатантра, стр. 303.

¹¹ Kalilag und Damnag. Alte syrische Übersetzung des indischen Fürstenspiegels. Leipzig, 1876, S. 34.

¹² Там же, стр. 49.

Дабшарим сказал: „Я слышал, как стремятся приобрести и сохранить друга и какая польза бывает от друзей. Теперь укажи и поведай мне о том, на кого нельзя положиться, хоть он и добился любви и стал другом“.

Бидуг сказал: „Не следует доверять другу, который прежде был врагом, потому что того, кто доверяет такому другу, постигает несчастье, подобно тому, что выпало совам от ворона“.¹³

Глава о кошке и мыши.

Сказал Задаштар Бишаму: „Покажи мне слабого человека и скажи, как с помощью знания ему избежать ненавистников и, если он находится среди врагов, — а они спорят из-за него, — как склонить к дружбе и перемирию одного, чтобы остальные враги оставили его и чтобы тот, кто заключил с ним дружбу, не обманул его своей хитростью; как ему добиться перемирия с тем, кто подходит для этого?“.

Бишам ответил: „Любовь — не во всякое время любовь, и вражда не всегда остается враждою, потому что враг, который находит пользу в своем противнике, обращается к дружбе, а друг, который видит от своего приятеля вред, обращается к вражде. И ненависть и любовь исходят из вреда и пользы“.¹⁴ И т. д.

В арабской версии и в некоторых поздних редакциях „Панчатантры“¹⁵ есть также заключение, в котором философ дает царю последние наставления. „Я разъяснил тебе дела и изложил ответ на те из них, о которых ты меня спрашивал... И пусть бог поможет тебе, о царь, наставит тебя на путь истинный, улучшит в тебе то, что было испорченным, успокоит пыл твоего гнева, который был горяч, и ниспошлет милость на твою душу и на душу твоих отцов, чистых, отошедших — людей умных, образованных, достойных, щедрых и благородных“.¹⁶

Таким образом, обрамляющая история, посвященная царю и философу и ограниченная в „Панчатантре“ лишь введением, приобретает здесь характер связного законченного повествования.

Вряд ли можно согласиться с автором книги „Древнеиндийская проза“ П. А. Гринцером, что это повествование имеет самостоятельную художественную ценность.¹⁷ Если первая часть его, собственно введение, и не лишена элемента занимательности, то продолжение истории в форме однообразных диалогов царя и философа и сухое немногословное заключение сами по себе никакого интереса для читателя не представляют. Из четырех новых глав арабской версии, которые подробно повествуют о происхождении книги и придают, по мнению П. А. Гринцера, обрамлению особую занимательность и художественную ценность, к обрамлению, по сути дела, относится только первая — „Предисловие Бахнуда ибн Сахвана“, остальные же являются вводными. Не совсем правильным было бы считать, что авторы этих глав ставили своей целью подчинить дидактику занимательности. Предисловие Ибн ал-Мукаффа' — это пламенный, настойчивый призыв видеть в „Калйле и Димне“ не предмет забавы, а книгу мудрости. Занимательные истории и анекдоты, которые он в большом количестве приводит, служат усилению этой идеи, а не простому развлечению.

„Рассматривающему эту нашу книгу, — пишет Ибн ал-Мукаффа', — следует поставить своей целью не разглядывание ее украшений, а изучение содержащихся в ней притч, пока не дойдет до конца. Он должен оста-

¹³ Там же, стр. 61.

¹⁴ Там же, стр. 57.

¹⁵ П. А. Гринцер называет в связи с этим „Хитопадешу“ и тамильскую рецензию, изданную Дюбуа. См.: П. А. Гринцер. Древнеиндийская проза. М., 1963, стр. 200.

¹⁶ كتاب كيلة و هبة ص ٢٤٥-٢٤٦

¹⁷ П. А. Гринцер. Древнеиндийская проза, стр. 200.

навливаться над каждой притчей и каждым словом с тем, чтобы поразмыслить над ними".¹⁸ Далее:

„Умному, когда он поймет цель этой книги с ее мудростью, прочтет ее до конца и изучит ее содержание, следует поступать в соответствии с тем, что он узнал из нее, чтобы использовать ее в качестве образца для себя, отклоняться от которого не должно“.¹⁹

Ибн ал-Муқаффа¹ предостерегает читателя от уподобления тем глупцам, „которые, не дав себе труда поразмыслить, заблуждаются относительно этой книги и, не задумываясь над тайнами ее смысла, берут явное, вместо того чтобы взять скрытое“.²⁰

Справедливо отмечая, что обрамление выполняет две функции — композиционную и дидактическую, — П. А. Гринцер считает в то же время, что они находятся в обратно пропорциональной зависимости: с развитием и разработкой рамки как композиционного приема снижается ее самостоятельное дидактическое значение. Так на первой стадии ее развития „несовершенная рамка — именно вследствие ее несовершенства — еще не потеряла собственного функционального значения: хотя по существу она служит лишь предлогом для введения разнородных рассказов, внешне она все же выражает дидактическую цель книги“.²¹ Однако позднее переводчики и компиляторы „Панчатантры“ „значительно шире раскрывают композиционные возможности обрамления, подчеркивая тем самым его основное назначение — способствовать удобному и ненавязчивому введению большого количества самостоятельных историй“.²²

Нам, кажется, однако, что композиционная и дидактическая функции рамки находятся не в обратной, а в прямой пропорциональной зависимости. Совершенствование и развитие рамки как чисто вспомогательного компонента в составе всей книги не мешают ей по-прежнему нести свою смысловую нагрузку. Более того, введение в начале каждой главы царя и философа с его поучительными речами усиливает назидательное звучание рамки и подчеркивает дидактическое назначение книги.

Лучше всего и больше всего о целевой направленности сборника говорит не самая рамка, а то, что она обрамляет, т. е. непосредственно его содержание. Мы попытались, используя материал древнеиндийской версии, рассмотреть сборник именно в этом аспекте, чтобы определить, насколько он соответствовал своей первоначальной цели — служить руководством для царей в управлении их государствами. Эта цель как первоначальная и основная была отмечена рядом исследователей.²³

Самое большое место в книге отводится правителям. Подробно описаны жизнь двора и свиты, придворный церемониал, дворцовые интриги и разговоры. Особенно характерны в этом отношении глава „О льве и

¹⁸ كتاب كيلة ومينة، ص ١٥٠

¹⁹ Там же, фv

²⁰ Там же, ог

²¹ П. А. Гринцер. Древнеиндийская проза, стр. 199.

²² Там же, стр. 200.

²³ И. Ю. Крачковский писал, например: „Несомненно, что родиной оригинала является Индия еще в эпоху расцвета буддизма; возник он, вероятно, на санскритском языке не позже VI в. и по своей литературной форме представлял обычное впоследствии для средневековой Европы «зерцало», руководство для правителей, дидактически-морализаторское произведение, где излагаемые идеи подкрепляются иллюстрационной частью — рассказами из жизни животных, говорящих и действующих как люди“. Далее он объясняет, что звери эти не столько действуют, сколько рассуждают, и в этих длинных и обстоятельных рассуждениях лежит центр тяжести произведений, так как „именно в них автор проводит свои идеи и свою мораль“. См.: И. Ю. Крачковский, Избр. сочинения, т. II, М.—Л., 1956, стр. 441. Эта книга представляет собой то, что называлось в старину „зерцалом“. . . — отмечает Е. Э. Бертельс в предисловии к переводу И. Ю. Крачковского; Т. Бенфей называет ее „княжьем зеркалом“ („Fürstenspiegel“). „Книга должна была учить князей политической мудрости“, — подчеркивает К. Броккельман. См.: Enzyklopaedie des Islams, S. 744.

быке“ и следующая за ней в арабской версии „О расследовании дела Димны“, а также глава „О льве и шакале“.

Лев, царь зверей, живет в пещере, его окружают шакалы, лисы и другие животные. Одни из них в чести, другие, как Калыла и Димна, лишены царских милостей и доверия. Звери постоянно борются между собой за возможность приблизиться к владыке, используя при этом далеко не благовидные средства: хитрость, обман, лесть и т. д.

„Я знаю его (льва, — А. П.) привычки и обычаи, я приму во внимание каждую мелочь и буду делать все, что он захочет. Это и ему принесет пользу, и мне не причинит никакого вреда“,²⁴ — говорил Димна. И далее: „...ловкий благодаря своей сообразительности может выдать то, чего нет, за то, что есть, а то, что есть, за то, чего нет...“²⁵

„Я долгое время находился у ворот моего господина, прежде чем предстать, наконец, перед тобой, — продолжает он, унижаясь и работая. — У ворот владыки всякий, казалось бы, совсем не нужный, оказывается необходим. И от прутика, лежащего на земле, бывает польза: если что-нибудь застрянет у человека в ухе, он почешет в нем этим прутиком“.²⁶

Когда при дворе появляется бык Сизбуг, лев приближает его к себе и делает его своим советчиком. Димна решает убрать с пути этого „пожирателя травы“, чтобы занять его место, и начинает плести интриги. „Несколько дней он никуда не ходил и не видал льва. Отправившись, наконец, к нему, он прикинулся огорченным и обеспокоенным. Заметив его расстроенный вид, лев спросил:

— Что с тобой? Что-нибудь случилось?

— Пусть никогда не случится с моим господином то, что случилось со мной, — ответил Димна.

— Так что же это?

— Я должен рассказать тебе наедине.

„Когда они остались вдвоем и лев начал расспрашивать, Димна сказал:

„Трудно придется тому, кто станет противоречить кому-нибудь, привыкшему к лести. Но если тот, кому противоречат, умен, ему легко будет выслушать, и, выслушав, он извлечет пользу, а не выслушав, снискает вред. Мой господин умен, и если кто-нибудь из доброжелательства говорит с ним, то для него в этом нет никакого вреда. Я слышал кое-что и знаю, что ты этому не поверишь. Однако наши с тобой жизни связаны, и, если я вижу или слышу в чем-нибудь вред для тебя, я должен сказать тебе об этом, даже если ты и не спрашиваешь. Говорят, что тот, кто не открыл тайну владыке или скрыл болезнь от врача или не сохранил слова мудрецов, тот снискал вред самому себе.

— Что же это за тайна? — спросил лев.

— Я слышал, как однажды Сизбуг говорил с животными. Он сказал: «Я наблюдал за львом и понял, что он собой представляет. Он труслив, и теперь дело только за мной».

„Услыхав эту речь, я понял, что Сизбуг лицемер. Когда лев поднял его на такую высоту, мысли его запутались и он решил: «Я равен льву во всех отношениях, и, если я убью его, власть перейдет ко мне». Говорят, что если владыка не свергнет того, кто удостоен почестей наравне с ним, тогда тот его сам свергнет. И поэтому я говорю: ты мудр и умен, так сделай то, что следует“.²⁷

²⁴ Kalilag und Damnag, S. 4.

²⁵ Там же, стр. 4.

²⁶ Там же, стр. 5.

²⁷ Там же, стр. 14—15.

Лев вызвал быка и жестоко расправился с ним. Перед нами трагическая кровавая сцена из жизни двора, каких история знает немало.

„Калыла и Димна“ повествует нам еще об одной такой трагедии, разыгравшейся при дворе царя зверей.

Жил один богобоязненный и целомудренный шакал. Он не убивал, не проливал крови и не ел мяса, был честен, правдив и скромнен. Лев приблизил его к себе и назначил смотрителем над своими сокровищами, отмечая все большими и большими почестями. Это не понравилось другим приближенным, и они прониклись враждой и завистью к шакалу. Однажды они стащили мясо, предназначавшееся льву, и подбросили его в дом шакала. На другой день лев велел принести ему обед, но мяса не оказалось. Лев рассвирепел и приказал отыскать виновника. Тогда все стали наговаривать на шакала. „Это мясо тайком взял шакал и унес его к себе домой!“²⁸ — сказал один. „А если он унес тайком домой мясо, то придется поверить и в то, что я о нем слышал, будто он погряз в преступлениях“,²⁹ — добавил второй. „И если даже мясо найдут у него в доме, он сумеет с помощью хитрости оправдаться“,³⁰ — заявил третий. Лев послал своих надежных слуг в дом шакала, чтобы произвести обыск, и те нашли злополучное мясо. К шакалу был отправлен один из свиты царя с предложением извиниться. Он вернулся с подложным письмом, и тогда лев разгневался на шакала и велел казнить его.

При дворе царят лицемерие и ханжество. Когда лев, пострадавший на охоте, оказался не в состоянии добывать пищу, то волку, ворону и шакалу, которые жили остатками с царского стола, тоже нечего стало есть. На вопрос льва, почему они так похудели и обессилели, животные отвечают, что не могут есть, раз их господин так тяжело болен. И сам лев не уступает своей свите в лицемерии. При дворе его живет один верблюд, который отстал однажды от каравана и остался в лесу. Лев когда-то позвал его к себе и обещал безопасность. Но вот голодные звери пришли к царю и предложили убить и съесть этого верблюда. Лев страшно разгневался:

„Как вы смеете говорить мне о нем?! Ведь он мне доверяет. Говорят, что благодеяние того, кто напоит и накормит из милости сто голодных и жаждающих, не так велико, как благодеяние того, кто избавит от страха. Верблюд привязан ко мне, и я не позволю его убивать!“³¹ Однако когда ворон объяснил льву, что ему самому не придется ни убивать верблюда, ни даже приказывать, чтобы его убили, лев сразу успокоился и согласился с планом коварных хищников.

Верхом лицемерия являются слова ворона, когда он, предлагая себя на съедение льву и будучи уверен, что его спасут, говорит:

„У моего господина нет пищи, и он ослаб, а я только благодаря ему и существую. Пусть лучше мой господин съест меня и останется в живых, а те, кто останутся из нас, будут жить по-прежнему благодаря ему“.³²

В арабскую версию включена дополнительная глава о наказании лжеца и клеветника шакала Димны, которая сглаживает отчасти невыгодное представление о льве как о глупом и трусливом деспоте, всецело находящемся в руках мошенников-министров.

В некоторых версиях „Панчатантры“ безотрадные и мрачные картины жизни при дворе также несколько приукрашены.

В версию Пурнабхадры³³ включен небольшой отрывок, рисующий

²⁸ Там же, стр. 89.

²⁹ Там же, стр. 90.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, стр. 22.

³² Там же.

³³ Версия, которая легла в основу перевода А. Я. Сыркина. Автор ее джайнистский монах Пурнабхадра; он оставил в послесловии свое имя, имя своего заказ-

образ идеального царя и представляющий идиллическую картину царствования льва Пингалаки.

„... он, окруженный советниками и друзьями, без страха и забот, высоко неся голову, наслаждался царской властью в лесу. Он воздерживался от чрезмерного употребления зонтов, опахал, вееров, колесниц и не злоупотреблял наслаждениями. Он возвышался безыскусственным и разумным поведением и необычайной отвагой. Он в избытке был наделен гордостью и безупречным достоинством и не терпел высокомерия. Царская власть не знала цепей, и ей охотно подчинялись. Не слышно было жалобных речей простых подданных. Нетерпимость, гнев, беспокойные желания и высокомерие исчезли, и великодушие стало всеобщей целью. Ладони были сложены вместе. Не было ни печали, ни страха, и лесть не была в ходу. Процветали решительность, отвага, чувство своего достоинства и настойчивость. Подданный был предан одной цели, не зависел от других и вместе с тем не заботился об одном себе. Плодом мужественных поступков была радость от помощи ближнему. Отчаяние, бедность и унижение исчезли. Пришедшие в упадок крепости заботливо восстанавливались, а обилие богатств не ставилось ни во что. Не было противоречий и зависимости. Достижение чрезмерной власти считалось опасным. Никто не думал о шести способах ведения войны и не украшался оружием. Пищи было необычайное изобилие. Ничего не делалось за спиной, и не из-за чего было беспокоиться. Крики негодных женщин, следовавших по пятам, оставались без внимания. Некого было упрекать. Метательные орудия не употреблялись, и никого не обучали пользоваться ими. Желания не встречали преград, и подданные были удовлетворены, получая независимо от своего положения пищу и жилье“.³⁴

В древнесирийской версии в соответствующем месте о льве и его окружении сказано совсем кратко и отнюдь не так лестно: „Неподалеку оказался лев, у которого в этом месте была пещера, а с ним — много шакалов, лис и других животных. Лев был мудр, но о делах своих не заботился, а только упивался властью“.³⁵

Шакалы Калйла и Димна в древнесирийской версии названы прямо и недвусмысленно — хитрыми, лживыми и коварными: „У ворот льва были два шакала — Калйла и Димна, которым лев не доверял. Они были хитры и коварны, причем Димна отличался особой изворотливостью“.³⁶

Пурнабхадра не дает шакалам характеристики вообще, отказываясь от такой прямой и резкой критики. Самодева³⁷ называет Димну стойким и разумным и вообще представляет все дело так, что создается некая видимость его невиновности. Калйла и Димна у него являются министрами льва с самого начала. С появлением быка они теряют свои министерские должности, поэтому козни и интриги Димны против быка ради возвращения на пост министра кажутся до некоторой степени оправданными.

Самодева изобразил весь конфликт чуть ли не как борьбу за право на существование, и такая борьба представляется даже справедливой. У него Каратака и Даманака обречены на голодную смерть, так как лев не уделяет им ни куска от своей добычи, а съедает все вместе с быком. У Пурнабхадры то же: „Шакалы, лишившись покровительства

чика — могущественного министра Шри-Сома и дату окончания версии (17 января 1199 г.). См. об этом в статье В. В. Иванова, сопровождающей перевод А. Я. Сыркина (стр. 318).

³⁴ Панчатантра, стр. 19—20.

³⁵ Kalilag und Damnag, S. 1—2.

³⁶ Там же, стр. 2.

³⁷ Автор одной из редакций „Панчатантры“.

льва, оставались на одном месте, страдая от болезней и истощения, шею их исхудали от голода“ и т. д.³⁸

В древнесирийской версии о том, что звери голодали, не сказано ни слова. Просто тщеславному карьеристу Димне сделалось обидно, когда он увидел, что лев ест и пьет с быком чаще, чем с ним. И он решил убить это травоядное.

Даже сдержанный и осторожный Самодева, не утерпев, в конце называет Димну бесчестным и осуждает его дурные намерения.

Однако самая гневная и беспощадная отповедь холодному и расчетливому эгоисту Димне вложена в уста Калйлы автором древнесирийской версии.

„Ты, Димна, злой и жестокий, — говорит он. — И своими хитростями ты всех запутал, льва разгневал, а быка оклеветал. Справедливо говорят, что речная вода остается пресной только до впадения в море, семья бывает дружной только до появления дурных сыновей, а дружба сохраняется крепкой лишь до появления клеветников. Язык клеветников подобен раздвоенному языку змеи, и они своим коварством жалят подобно змее. Я тоже боюсь твоего коварства и очень хочу от тебя удалиться. Сказано ведь: не доверяй злему, даже если вы с ним в дружбе. Змею хоть и держат дома, все же боятся, чтобы она не ужалила... И тебя, Димна, тоже следует обходить подальше“ и т. д.³⁹ „Сын греха“, „коварный“, „неверный“ — вот эпитеты, которыми Калйла награждает своего брата. „С тобой вообще нельзя поддерживать отношений,⁴⁰ — говорит он. — Никто не может изменить твою испорченность, ибо плоды горьких тыкв не могут быть сладкими, сколько бы меда и масла ни втирали в их корни“⁴¹ и т. д.

„Калйла и Димна“ не только разоблачает, но и учит, учит тому, как должен поступить правитель в той или иной сложной ситуации в мирное время и во время войны. Здесь следует оговориться, что хотя поучения эти и выражены подчас в крайне категорической форме: владыка должен *كلا لعللا*, владыке следует *ان كلك* и т. п., — все же они носят характер добрых пожеланий и советов, а не безусловных обязательных постановлений.⁴²

При этом мораль носит чисто практический, утилитарный характер. „Автор стремился преподать правителям уроки политической мудрости, часто резко расходящейся с требованиями нравственности“, — пишет В. В. Иванов.⁴³ „Калйла и Димна“ — это учебник мудрости, а не добродетели, и в основе ее лежит правило: для достижения цели хороши любые средства. „Поэтому читатель не должен удивляться тому, что во многих случаях мораль — это как раз нечто противоположное морали“, — отмечает В. Рубен.⁴⁴

Самое большое место в книге занимают рассуждения о необходимости советчиков для царя и о пользе их советов. Уже одно это наводит

³⁸ Панчатантра, стр. 40—41.

³⁹ Kalilag und Damnag, SS. 30—31.

⁴⁰ Там же, стр. 32.

⁴¹ Там же.

⁴² В санскритских текстах такого типа для выражения оттенка желательности употребляется особая грамматическая категория — оптатив (желательное наклонение). См. предисловие Г. Ф. Ильина к переводу „Законов Ману“ (Законы Ману. Перевод С. Д. Эльмановича. М., 1960, стр. 8—9). Грамматика сирийского языка не располагает специальными морфологическими средствами для передачи желательности действия (в противоположность долженствованию), однако из контекста отчетливо видно, что речь идет не о категорических требованиях, а лишь о рекомендациях.

⁴³ См. статью В. В. Иванова в книге „Панчатантра“ (стр. 308).

⁴⁴ W. Ruben. Das Pancatantra und seine Morallehre. Berlin, 1959, S. 8.

на мысль о том, что автор был из среды царских слуг или приближенных, однако он находился, по всей видимости, в числе несправедливо обиженных, ущемленных в правах и т. п. Именно поэтому с большой теплотой и сочувствием нарисован образ быка, умного, верного и честного советчика владыки, вероломно преданного им впоследствии. Поэтому так искренне и убедительно звучат жалобы быка на то, что с царем очень трудно бывает ладить. „Легче ходить по морю, чем пребывать с владыками, потому что даже тот, кто любим, почитаем и постоянно с ними, если ему устраивают проверку, то иногда он выдерживает, а иногда и нет“.⁴⁵ Может быть, в этом следует усматривать даже некоторый элемент автобиографичности. Неоднократно автор возвращается к теме доверия помощнику, потерпевшему жестокое обращение и наказанному — по заслугам или несправедливо, — призывает к восстановлению с ним прежних отношений и возвращению его на службу.

Рассмотрим некоторые положения более подробно.

Владыка может добиться успеха в своих делах только в том случае, если у него есть хорошие советчики, и, наоборот, так бы умен, красноречив и справедлив он ни был, ему не будет удачи, если он лишен толковых помощников. Эта заповедь повторяется бесконечно в самых разных вариантах. Роль советчиков, приближенных царя, по мнению составителя свода, огромна. „Самого незначительного врага трудно одолеть, если он собрал себе многочисленных помощников. И даже если удалось победить его в бою, все равно победитель торжествует недолго, если у него нет дружественных и умных советчиков, да еще если и сам он не отличается ни умом, ни мудростью. Удача не считается ни с происхождением, ни с именем, ни с внешностью, а приходит только к тому, кто отличается мудростью и усердием и у кого есть хороший помощник“⁴⁶ — говорится в главе „О совах и воронах“. „Человек должен советоваться с друзьями и советчиками, чтобы извлечь из своих дел добро“⁴⁷ — поучает автор. В главе „О льве и быке“ перечислены шесть разных несчастий, которые могут постичь владыку. „Вред для владык бывает шести видов: один вид — это вред от лишения, второй — от людей, третий — от страсти, четвертый — от гнева, пятый — от глупости, шестой — от невнимания“.⁴⁸ Далее автор поясняет, в чем состоит каждое из этих несчастий, и оказывается, что самое большое несчастье — „вред от лишения“ — состоит в том, что владыка лишается советчика. И это неудивительно: ведь „слава владыки зависит от того, насколько многочисленны те, кто с ним“.⁴⁹

Каковы же должны быть эти многочисленные советчики и приближенные владыки? Какие требования он должен предъявлять к ним, какими правилами должен руководствоваться, приближая их к себе? Это должны быть умные, опытные, честные, решительные и деятельные люди. От их решений и советов зависит престиж царя. Если многочисленные помощники царя красноречивы, но бестолковы, то и царь неумен,⁵⁰ и наоборот, если он окружает себя умными и опытными советчиками, то и сам слывет мудрым и опытным.⁵¹ Точно так же царь дол-

⁴⁵ Kalilag und Damnag, S. 19.

⁴⁶ Там же, стр. 63.

⁴⁷ Там же, стр. 68.

⁴⁸ Там же, стр. 11.

⁴⁹ Там же, стр. 28.

⁵⁰ Владыка неумен из-за многочисленных советчиков и приближенных, которые, как правило, умеют говорить и не умеют делать. См.: Kalilag und Damnag, S. 27.

⁵¹ Лев сблизился с Сизбугом и сделал его своим советником, а так как Сизбуг был умен и опытен, то и лев благодаря его советам стал мудрым и уважаемым. См.: Kalilag und Damnag, S. 7—8.

жен тщательно выбирать своих посланников, так как „по их уму судят об уме того, кто их посылает“.⁵²

Если же у владыки плохие советчики, то его постигает несчастье. Они могут дать неверный совет, а совет, который влечет за собой несчастье, подобен другу, который покидает в трудный час.⁵³ Или же они вступают в пререкания с владыкой, а если у кого-нибудь разногласия с советчиками, то врагам от этого польза, а ему — вред,⁵⁴ они могут быть несправедливы и жестоки с подчиненными царя.⁵⁵

По какому принципу должен владыка выбирать советчиков, чтобы окружить себя людьми справедливыми и честными, а глупых, коварных и злых отстранить?

Владыка должен внимательно изучать характер и поведение каждого человека и использовать его в соответствии с его усердием и с той пользой, которую он от него получает. Поэтому человеку, приближенному к владыке, следует показать все свое усердие, а тот должен судить о нем не по словам его, а по делам.

Особенно красноречиво и убедительно говорится об этом в главе „О льве и шакале“. „Цари должны хорошо знать людей, чтобы поручать им свои дела. Без помощников царям не обойтись, даже если некоторые из них и недоброжелательны.

„Если же они (помощники) готовы помочь и доброжелательно настроены, но неумны и непонятливы, они не могут выполнить должным образом их (царей) дела, подобно тому, как бесполезны для употребления повозка без колес или колеса без оси.

„Тому, кто хочет поручить им какое-нибудь дело, следует разузнать об их усердии, их уме, их успехах и о недостатках, которые у них есть. Если он не сможет сделать этого (сам), то через своих доверенных должен узнать, что собой представляет тот или иной человек, какие у него успехи и недостатки и какая от него может быть польза или вред. О каждом, кто выполняет какое-нибудь дело, он должен разузнать сам или через своих доверенных, чтобы не укрылся от него тот, кто творит зло, и чтобы был отмечен тот, кто служит добросовестно. Иначе тот, кто творит зло, будет продолжать это делать, а тот кто служит добросовестно, станет небрежным в своих делах“.⁵⁶

Поощрение и награда — это то, о чем никогда не должен забывать владыка. „Порадуй же и своих приближенных, — призывает один из советчиков главу воронов. — Царь, который не радует свою страну и своих приближенных, как два подобия сосков, вырастающих на шее у козы: сколько бы козленок ни сосал их, нет ему от них никакой пользы“.⁵⁷

Владыка не должен отказывать в поощрении даже самому ничтожному, потому что и ничтожный благодаря своему усердию вырастает в глазах окружающих и становится уважаемым. „Так, жилы четвероногих могут быть использованы для лука, который царь с почетом несет в руке“.⁵⁸

Нельзя доверять кому бы то ни было только потому, что его отец был в числе приближенных, и, наоборот, не следует пренебрегать тем, кто занимал раньше незначительную должность. И если даже он был

⁵² Там же, стр. 65.

⁵³ Там же, стр. 27.

⁵⁴ Там же, стр. 64.

⁵⁵ Если даже владыка добр и мягок, честные и добрые не должны приближаться к нему из-за того, что у него советчики и помощники. См.: Kalilag und Damnag, S. 27—28.

⁵⁶ Там же, стр. 86—87.

⁵⁷ Там же, стр. 80.

⁵⁸ Там же, стр. 6.

обижен владыкой несправедливо и раздосадован этим, все равно его услугами и советами можно воспользоваться, если он человек добросовестный, честный и справедливый.

Эта мысль кажется автору особенно важной, и он возвращается к ней снова и снова. Так, в главе „О льве и быке“ читаем: „Человеком сильным, усердным и положительным, который был унижен без всякой причины и раздосадован этим, пренебрегать не следует“.⁵⁹ То же самое в главе „О льве и шакале“: „Нужно доверять тому, кто был обижен царем и у кого оставалась эта обида“.⁶⁰

Владыка должен привлекать людей к себе на службу только на основе добровольного соглашения. „Если царь, приблизив к себе человека, хочет поручить ему какое-нибудь дело, а человек этого не хочет, не следует заставлять его. Такого человека не следует принуждать и, если даже он полезен, но не хочет, не следует заставлять его. Если все же его заставить, то от этого будет только вред“.⁶¹

Подобрав таким образом своих приближенных, владыка должен прислушиваться к их словам и не только к „словам лести“, но и к „словам противоречия“, как бы неприятны последние ни были. И если он умен, он их выслушает и извлечет для себя пользу. А не выслушает — снискает вред, потому что „не было никого — с самого начала и до сих пор, — кто избежал вреда, не согласившись с добрыми советами“.⁶²

Тот, кто не хочет прислушаться к дружеским советам, постоянно вредит своим делам, „подобно больному, который отказывается от пищи, указанной ему врачом, а ест то, что ему нравится“.⁶³ А правитель, который следует советам, подобен морю, соединяющему реки, и ему сопутствует удача.

Однако удача сопутствует лишь в том случае, если владыка хранит свои дела в тайне, так что шпион не может узнать их. Поэтому очередная заповедь гласит: „Успех владык в их уме, ум зависит от доброго совета, а совет помогает лишь в том случае, если тщательно сохраняются тайны“.⁶⁴

Далее перечислены все те, кто может разгласить тайну, а именно: владелец тайны (כִּוִּיֵּן מִיָּדָא), советчик (חַבֵּל מַלְאָכָא), тот, кто приносит сообщение (מַלְאָכָא מַלְאָכָא), кто подслушивает в засаде, (מַלְאָכָא מַלְאָכָא מַלְאָכָא), раб (עַבְדָּא) и очевидец (עֵדוּתָא). Владыка должен быть осторожен с ними и не допускать небрежности, потому что „небрежность — причина всех зол“.⁶⁵

Отношению царя к своим подчиненным почти полностью посвящена глава „О льве и шакале“. Основная ее мысль в том, что владыка должен тщательно обдумывать все свои дела и поступки, прежде чем принять окончательное решение. „Мудрецы приводят свои дела в порядок кротостью и обдуманностью, и им не приходится раскаиваться из-за поспешности в своих решениях. Обдуманность нужна всем, особенно царям. Опора женщины — ее муж, (опора) сыновей — отец и мать, учеников — учителя, рабов — их господа, (опора) маленьких и скромных — в их скромности, опора каждого в царстве, а опора царя — в его мудрости“.⁶⁶

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же, стр. 86.

⁶¹ Там же, стр. 88.

⁶² Там же, стр. 24.

⁶³ Там же, стр. 16.

⁶⁴ Там же, стр. 63.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же, стр. 91.

Речь здесь идет о том, что владыка не должен наказывать провинившегося, не будучи уверен в его вине.⁶⁷ Только тщательно проверив все обстоятельства дела и убедившись в виновности человека, владыка может покарать его. Не следует осуждать и прогонять от себя того, кто совершил проступок не по своей воле и не по злому умыслу, а в силу обстоятельства или по чьему-либо подстрекательству. „Каждое дело следует рассматривать со всех сторон. Если одновременно исследуют (какую-нибудь вещь) с разных сторон, то узнают, что она собой представляет. Так, вино нужно проверять по цвету, запаху и по вкусу. Если же испытываешь что-нибудь одно, найдешь (вещь) июю.

„Так, насекомое, которое светится ночью, подобно огню, может показаться тому, кто не знает, огнем, и только когда он положит это насекомое к себе на руку, поймет, что тот, кто сказал ему (что это огонь), неправ“.⁶⁸

Владыка должен хорошо знать своих приближенных и входить в их отношения друг с другом. И если один из них станет наговаривать на другого или захочет принизить достоинства доброго и скрыть недостатки злого, владыке не следует слушать клевету и наветы, а нужно руководствоваться своими знаниями об этих людях и соображениями о том, кто из них на что способен. „Не следует, чтобы дела царей исполнялись руками других, — призывает автор. — Если они (цари) позволяют это, то множество бед случается с ними“.⁶⁹ И далее: „Не дай убедить себя их словам и уловкам, а их совместные замыслы — пресекай. Действуй так, чтобы они не смогли опять объединиться друг с другом, иначе ты станешь презренным в их глазах“.⁷⁰ И снова устами одного из героев: „Раз моему господину угодно, чтобы я был с ним, давай заключим соглашение. Если кто-нибудь из тех, кого мой господин привлек для (выполнения) своих дел, — более высокий и уважаемый, чем я, — станет бояться, что я достигну его положения, или если кто-нибудь из более ничтожных, чем я, захочет занять мое место, — если те или другие станут клеветать на меня и скажут моему господину что-нибудь плохое обо мне, пусть он не считает меня виновным до тех пор, пока не расследует (все) — тайно или открыто — и не найдет истину“.⁷¹

Итак, владыка должен окружать себя умными способными помощниками, принимая во внимание их заслуги и добрые качества, а также ту пользу, которую они могут оказать в его делах.

Он должен внимательно выслушивать их советы, если они обращены на пользу дела.

Владыка должен хранить в тайне свои планы и замыслы, чтобы враг не смог разведать их и нарушить.

Владыка должен хорошо знать своих людей, их характеры и поведение, при этом хорошего и добросовестного помощника следует награждать за его усердие, а по отношению к нерадивому и клеветнику — принимать соответствующие меры.

К самому правителю, к его поведению предъявляются вполне определенные требования. Он должен быть прям и искренен, потому что „с владыкой, слова которого неискренни и туманны, иметь дело так же трудно, как трудно лечь спать в доме, куда заползла змея, или путе-

⁶⁷ Об этом говорится также в главе „О льве и быке“. См.: Kalilag und Dam-nag, S. 17.

⁶⁸ Там же, стр. 91.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же, стр. 91.

⁷¹ Там же, стр. 89.

шествовать по лесу, в котором водятся леопарды, или купаться в реке, где обитают крокодилы".⁷²

Владыка должен быть ровным в обращении с подчиненными. Если он раздражителен, то никто не сможет приблизиться к нему, чтобы выслушать его приказания. А дела владыки могут быть благополучны лишь в том случае, если приближенные выполняют его приказания.

Иногда поучение облекается в форму восхваления. Так, обращаясь к главе воронов устами одного из его советчиков, автор говорит: „В несчастье ты не растеряешься и все рассудишь должным образом, добрыми делами своими не возгордишься, время для выжидания и для действии знаешь, не словам, а делам близких тебе людей следуешь“ и т. д.,⁷³ как бы призывая его воспитать в себе эти необходимые качества. И, наоборот, гневное осуждение звучит в словах автора, когда он говорит, что глава сов доверчив, заносчив и глуп.

Владыке следует быть терпимым, осторожным, предусмотрительным, он должен быть гибким и умным, в делах управления, снисходить и наказывать, привлекать и отстранять, он должен тщательно обдумывать свои действия, причем для достижения цели можно использовать любые средства, не гнушаясь подчас и недостойными. Последнее вполне соответствует циничному характеру морали, проповедуемой „Панчатантрой“.

О внешней политике государств, о войнах между народами и междоусобицах повествуют две главы — „О совах и воронах“ и „О царе мышей“. И в той и в другой изображен царь в окружении министров. Он совещается с ними по поводу начала войны, все высказывают свои соображения, спорят, наконец, принимают решение и выполняют его.

Глава „О совах и воронах“ посвящена описанию шести методов ведения внешней политики. Эти шесть методов суть мир, война, выжидательное положение, наступление, союз и двойственная политика. Вот как определены они в „Артхашастре“.⁷⁴ „Тут миром считается заключение договора, связывающего (обе стороны), войною — причинение вреда, выжидательным положением — пребывание в безразличном состоянии, наступлением — принятие мер (к нападению), союзом — прибегание к помощи других и двойственной политикой — использование то войны, то мира (смотря по обстоятельствам)“. И далее: „Если кто-нибудь слабее (другого), то он должен заключать с ним мир. Имеющий превосходство может идти (на другого) войной. Тот, который считает: «ни меня другой, ни я его неспособны победить» — должен держаться выжидательного положения. Имеющий преимущество и превосходство должен наступать. Тот, у которого незначительные силы, должен искать союза (с другими). Если дело решается благодаря помощи союзника, то следует вести двойственную политику“.⁷⁵

В „Панчатантре“ — а на основе ее и в „Калйле и Димне“ — определены те же шесть методов, только в качестве шестого названа не двойственная политика, а обман или двуличие.⁷⁶

При этом хитрость, обман и вероломство пропагандируются весьма недвуслыленно:

⁷² Там же, стр. 26.

⁷³ Там же, стр. 79.

⁷⁴ „Артхашастра“ — политико-экономический трактат, приписываемый Каутилье, легендарному министру императора Чандрагупта Маурья. Это замечательный памятник, представляющий руководство к управлению государством и содержащий разнообразные сведения по истории, философии, экономике, военному делу и т. д. древней Индии. Перевод на русский язык опубликован в 1959 г. См.: Артхашастра, или наука политики. Перевод с санскрита. Издание подготовил В. И. Кальянов. М.—Л., 1959.

⁷⁵ См.: Артхашастра, или наука политики, стр. 292—293.

⁷⁶ См.: Панчатантра, стр. 194.

„Будь недоверчивым всегда: и в мире, и в сражении, И злого своего врага сам постарайся обмануть... Не будет жить тот человек, который правду говорит... Огородясь двуличием, ты место укрепишь свое...“⁷⁷ и т. д.

В древнесирийской версии методы внешней политики не сформулированы так последовательно и отчетливо, при этом названо только пять из шести, а именно: бегство, схватка, подкуп (или подать), война и хитрость. Тем не менее влияние „Артхашастры“ и здесь несомненно.

Министры-вороны обсуждают все эти способы и решают победить врагов хитростью (Глава „О совах и воронах“).

То же и у мышей (Глава „Михраяд“). Там речь идет о трех способах, и предпочтение отдается третьему — хитрости. Благодаря хитрой уловке мыши навсегда избавились от страха перед своим смертельным врагом — кошками.

Глава „О кошке и мыши“ посвящена подробному, иллюстрированному описанию пятого метода — заключению союза с целью одоления врага при помощи союзника.

Однажды ночью кошка по имени Рума попала в сеть, расставленную охотниками. Поблизости оказалась мышь. Сначала она обрадовалась тому, что кошка в западне, но потом обнаружила опасность, угрожавшую ей самой: с одной стороны на нее собиралась напасть ласка, с другой — подстерегала сова. Выход был только один: мышь должна разгрызть сеть и освободить кошку, а та прогонит ласку и сову. Так они и сделали и, заключив перемирие, помогли друг другу. Идея рассказа состоит в том, что „мудрый, оказывая помощь своему врагу, получает благодаря ему свободу. Человек предусмотрительный, преследуя свои цели, может выразить по отношению к врагу иногда расположение, а иногда неблаговоление...“⁷⁸

События этой главы развиваются в полном соответствии с учением Каутильи, заключенном в разделе сотом „Артхашастры“ и названном им „Об искании помощи (у более сильного)“, в котором говорится, в частности, следующее: „Если (государь) находится между двумя более сильными, то он должен прибегать к помощи того, кто в состоянии его спасти...“, а если ему грозит гибель со стороны обоих, то он должен прибегать к помощи „срединного“ или „стоящего в стороне“.⁷⁹

Однако не всегда такой союз с врагом приносит удачу, и поэтому один из героев в главе „О голубе...“ говорит другому: „Глуп тот, кто заводит дружбу с врагом. Вода, даже сильно подогретая, если ее вылить на огонь, гасит его. Кто заключает перемирие с врагом, навлекает беду на самого себя и пребывает в страхе, как человек, за пазухой которого змея“.⁸⁰

Противоречивые суждения по поводу одних и тех же событий и действий характерны для нашего сборника. О вступлении в войну сказано, например: „Кто, не соразмерив свою слабость с силой своего врага, вступает с ним в войну, ищет вреда для себя самого.“⁸¹ И еще: „Дела следует решать не только борьбой, но также миром и согласием“.⁸² С другой стороны, с неменьшим пылом и убежденностью гово-

⁷⁷ Там же, стр. 200.

⁷⁸ Kalilag und Damnag, S. 57.

⁷⁹ Артхашастра, или наука политики, стр. 297.

⁸⁰ Kalilag und Damnag, S. 37.

⁸¹ Там же, стр. 62.

⁸² Там же, стр. 26.

рится: „Не следует смиряться перед врагом, даже если он и очень силен: ведь против того, кто ему подчиняется, восстанут другие“.⁸³

В главе „О совах и воронах“ обсуждается вопрос об отношении к пленному врагу, причем так же высказаны две противоположные точки зрения: 1) нужно его убить или хотя бы посадить в специально отведенное место, 2) убивать не следует, достаточно и того, что он унижен; нужно отнестись к нему с состраданием и сочувствием, особенно если он раскаялся и сделал во искупление своей вины какое-нибудь доброе дело.

Автор не объясняет, по каким признакам царь может отличить вражеского шпиона, особенно если все министры считают перебежчика честным и преданным человеком. Должен ли царь в этом и других случаях последовать решению большинства или безоговорочно принять совет самого мудрого и уважаемого министра? Как узнать, честен или бесчестен, глуп или умен тот или другой министр?

Понятно, что при такой противоречивости и неопределенности „Калйла и Димна“ не могла быть настоящим практическим руководством. В ней только намечены те вопросы, на которые царь должен обратить внимание, однако окончательных решений не дано, а так как цари показаны неспособными к управлению и к самостоятельному решению тех или иных конкретных проблем, то вся книга принимает крайне неопределенный характер. Она „не является учебником для начинающих, это проблематическое произведение с ярко выраженной пессимистической тенденцией“.⁸⁴

Автор не справился с задачей, которую взял на себя. Сильнее всего он там, где речь идет о его собственных переживаниях и интересах. Как мы уже отмечали, этот человек из среды приближенных царя был отстранен по каким-то причинам и стремился, вероятно, к восстановлению своего прежнего общественного положения. Поэтому он последовательно, убежденно и настойчиво внушает царю мысль о том, что тот может и должен поручать свои дела людям, отстраненным им ранее, провинившимся, наказанным и т. д.

Если у Каутильи по поводу назначения министров наряду с его собственным изложены также мнения других авторов,⁸⁵ то, с точки зрения составителя нашего свода, по этому поводу двух мнений быть не может: „Владыка не должен доверять кому бы то ни было только потому, что его отец был его приближенным и находился в его свите, так же как не должен пренебрегать тем, чей отец занимал раньше незначительную должность“.⁸⁶

Лицо самого автора выступает здесь наиболее отчетливо, особенно если учесть то обстоятельство, что отец Димны, в уста которого вложены приведенные выше слова, был близок льву когда-то, и последний говорит о нем: „Его отец был у нас близким другом“.⁸⁷

Димна, стремящийся войти в доверие ко льву и сблизиться с ним, должен был бы сказать иначе. Ведь, по его словам, он ратует не за себя, а за того, „чей отец занимал незначительную должность“. Для

⁸³ Там же, стр. 62.

⁸⁴ См.: W. Ruben. Pancatantra und seine Morallehre, S. 168.

⁸⁵ Так, в „Артхашастре“ читаем: „Пусть он назначает министрами людей, отцы и деды которых были министрами, так как ему известны их дела. Они его не покинут даже в случае ошибок с его стороны, благодаря близкому знакомству“. Так говорит Каунападанга. И далее: „Нет, — говорит Витавьядхи. — Ибо эти люди, забрав все, станут поступать как господа“. „Нет, — говорит Бахудантипура“ и т. д. См.: Артхашастра, или наука политики, стр. 23—24.

⁸⁶ Kalilag und Damag, S. 6.

⁸⁷ Там же, стр. 5.

автора важнее всего выразить свою мысль, а отсутствие логики в действиях героя его не беспокоит.

В тех случаях, когда задачи книги уводят автора далеко от его собственных устремлений и заинтересованность сменяется безразличием, категоричность суждений переходит в непоследовательность и неопределенность.

Излагая содержание нашего сборника, мы указывали на связь его с книгой Каутильи „Артхашастра“.⁸⁸ Интересно остановиться на сущности этой связи более подробно.

Свод правил, выделенный нами из общего текста, распадается на две части — руководство к ведению внешней и внутренней политики. Каждая из этих частей соответствует определенным разделам „Артхашастры“. Так, первая часть нашего „зеркала“ связана с первым отделом „Артхашастры“ — „О правилах поведения“, в частности с главами № 7 — „О поведении царя-мудреца“, № 8 — „О назначении министров“, № 15 — „Значение совещания“, № 21 — „Охрана особы (царя)“ и т. д. Уже в самом названии седьмой главы — поведение царя-мудреца — можно видеть косвенный намек на связь нашего сборника с произведением Каутильи. В древнесирийской версии поучения часто адресованы мудрому царю (царю-мудрецу) и в большинстве случаев подкреплены авторитетом мудрых.⁸⁹

„Мудрый царь полагается на своего посланца, потому что по его уму судят об уме того, кто его посылает“.⁹⁰

„Мудрец хитрость врага видит и речью его не обольщается, а старается предостеречься, глупого же легко ввести в заблуждение словами“.⁹¹

„Мудрец, когда его постигает несчастье, знает, что несчастье это пройдет, окончившись добром, и поэтому с радостью принимает его и ждет своего времени“.⁹²

„Мудрецы говорят, что справедливость можно нарушить и восстановить“⁹³ и т. д.

Содержание седьмой главы посвящено рассмотрению трех целей, трех основных факторов в жизни человека, которыми, согласно индийской философии, являясь закон, польза и любовь. Они должны находиться в постоянном равновесии, однако один из этих трех факторов должен быть ведущим. По Каутилье, ведущей является именно польза.⁹⁴ В указанной главе по этому поводу сказано следующее: „Пусть он отдается любви, не нарушая закона и пользы; пусть не будет лишен наслаждения или пусть в равной мере отдается трем целям, части которых связаны друг с другом. Ибо одно из трех — закона, пользы и любви — чрезмерно чтимое, вредит себе и двум другим“. Каутилья

⁸⁸ Зависимость „Панчатантры“ от „Артхашастры“ отмечена рядом исследователей. См., например: Панчатантра, стр. 312; П. А. Гринцер. Древнеиндийская проза, стр. 114, 189; W. Ruben. Das Pancatantra und seine Morallehre, S. 7; M. Winternitz. Geschichte der indischen Litteratur, S. 281.

⁸⁹ Индийская мифология различает четыре вида мудрецов: божественный мудрец, или бог-мудрец, брахманический мудрец, или брахман-мудрец, царственный мудрец, или царь-мудрец, и просто мудрец. Согласно мифологии, это особые существа, которые отличаются от обычных людей, богов и т. д. См.: Артхашастра, или наука политики, стр. 576, прим. 18. И в тексте нашего памятника мудрецы также противопоставлены простым людям.

⁹⁰ См.: Kalilag und Damrag, S. 65.

⁹¹ Там же, стр. 72.

⁹² Там же, стр. 76.

⁹³ Там же, стр. 53.

⁹⁴ Артхашастра, или наука политики, стр. 569, прим. 24.

считает, что главное — польза, ибо закон и любовь основаны на пользе.⁹⁵

Обратившись теперь к нашему своду, мы должны отметить, что, давая правителю свои советы, автор всегда предполагает конечную пользу для него. Владыка должен совещаться с помощниками, чтобы извлечь из своих дел пользу. Он должен принимать их советы, если они направлены на пользу дела. Владыке следует внимательно изучать поведение и характер каждого человека и расценивать его в соответствии с той пользой, которую он от него получает, и т. д. Каждый случай, любая ситуация рассматриваются с точки зрения той пользы, которую можно извлечь из стечения тех или иных обстоятельств. Так, например, бесспорными считаются следующие положения. „Владыка, который следует только собственному желанию, своей пользы не понимает“.⁹⁶ Далее: „(тот, кто) ради пользы, на которую рассчитывает, принимает слово, жестокое, как копьё, не огорчается и терпеливо сносит презрение врагов, не выказывая своих желаний, тот извлекает пользу“.⁹⁷ Ради пользы можно примириться даже с врагом. „Мудрец ради пользы на своего врага полагается, а друга оставляет“.⁹⁸ В другом месте эта же мысль повторяется снова: „Любовь не во всякое время любовь, и вражда не всегда остается враждою, потому что враг, который находит пользу в своем противнике, обращается к дружбе, а друг, который видит от своего приятеля вред, обращается к вражде“.⁹⁹

Из этого отрывка отчетливо видно, что и для автора нашей версии главное — польза. Любовь же зависит от нее, на ней основывается, из нее исходит.

Один из героев считает необходимым для себя „призадуматься о трех вещах: о пользе и вреде, которые уже свершились, о пользе и вреде настоящих — причем пользу нужно сохранить, а от вреда избавиться — и о пользе и вреде, которые еще не достигнуты — к какой пользе нужно стремиться и какого вреда избегать“,¹⁰⁰ и т. д.

В этой же седьмой главе автор „Артхашастры“ говорит о необходимости советников и их советов. „Управление царством выполняется с помощниками, одно колесо не вертится, пусть поэтому он (царь, — А. П.) создаст себе советников и слушает их советы“.¹⁰¹ Собственно это то, о чем так много и убедительно говорится в начале нашего свода.

Восьмая глава „Артхашастры“ посвящена вопросам назначения министров и перекликается с соответствующими рекомендациями нашего автора.

Глава 21 „Артхашастры“ посвящена охране особы царя. В ней перечислены меры предосторожности, какие должен предпринимать царь, чтобы уберечь свою жизнь. Особенно осторожным ему следует быть в отношении пищи. Пищу пусть готовит главный повар в особом скрытом месте. Прежде чем есть, царь должен принести „жертву пищей огню и птицам“. Если в пище яд, то огонь горит темно-синим пламенем и при этом раздается потрескивание; птицы же умирают. Далее идет описание того, как изменяются различные пищевые продукты, когда на них попадает яд. Сочные предметы становятся вялыми, сухие быстро распадаются и обесцвечиваются, жесткие становятся мягкими и т. д.

⁹⁵ Там же, стр. 22.

⁹⁶ Kalilag und Damnag, S. 16.

⁹⁷ Там же, стр. 76.

⁹⁸ Там же, стр. 60.

⁹⁹ Там же, стр. 57.

¹⁰⁰ Там же, стр. 10.

¹⁰¹ См.: Артхашастра, или наука политики, стр. 22.

Если царю потребуется какое-нибудь лекарство, то он должен заставить тех, кто причастен к его приготовлению, а также врача попробовать это лекарство.

„Рабыни пусть исполняют обязанности банщиков, массажистов,готавливающих ложе, прачек и изготовителей гирлянд, или же (пусть этим занимаются) находящиеся под их наблюдением искусные в этих занятиях лица. Пусть они подают платья и гирлянды, приложив их сперва к своим глазам, а мази, употребляемые при купании, порошки для натирания, благовония и предметы, употребляемые для купанья, пусть прикладывают к своей груди и рукам“.¹⁰²

Царь должен садиться в повозку и на верховых животных только при условии, если за ними смотрят слуги, перешедшие ему по наследству.

Затем продиктовано еще несколько правил, которых должен придерживаться царь, чтобы не подвергнуть свою жизнь смертельной опасности: в воду пусть входит, если в ней нет рыб и крокодилов, посла пусть принимает только в окружении советчиков и т. д.

В прямой связи с изложенной выше главой „Артхашастры“ находится один из отрывков сирийского текста, который гласит: „Могущественному человеку, (заботящемуся) о своем теле, следует охранять воду и моющие средства, которыми он моется, посуду, покрывало, на котором он сидит, лошадь и седло, которыми он пользуется при езде верхом, оружие, которое он вешает к поясу, пищу, которую он потребляет, лекарства, которые ему нужны, гирлянды, которые на него возложены,¹⁰³ благовония, ароматические вещества и мази, которыми он умащается. Все это (он должен) охранять от своих врагов“.¹⁰⁴

В „Панчатантре“ в соответствующем месте читаем: „В то время как он ест и пьет, сидит, иль ходит, иль лежит, Грозят беспечному враги, открытые и тайные“.¹⁰⁵ Здесь отрывок этот лишен какой бы то ни было конкретности, изменен почти до неузнаваемости.

Важно отметить, что, помимо различий чисто внешнего характера, приведенные отрывки — цитата из древнесирийской версии и стих из „Панчатантры“ — отличаются принципиально: первый адресован могущественному человеку, т. е. владыке, царю, как это отчетливо видно из параллельного текста „Артхашастры“ и из арабского перевода Ибн ал-Мукаффа,¹⁰⁶ во втором случае поэт обращается к простому рядовому человеку, беспечному и беззаботному. Беспечным может быть также и царь, следовательно, стих этот может быть отнесен и к нему, однако автор „Панчатантры“ не подчеркивает этого специально, тогда как переводчик-сириец считает это необходимым. В этом и других случаях аспект „царского зеркала“ отступает в „Панчатантре“ на задний план, заменяется рассуждениями с точки зрения общечеловеческой.

¹⁰² Там же, стр. 49—50.

¹⁰³ Биккель переводит: „корону, которую он увенчан“ (Krone, die er aufsetzt), но этот перевод не совсем удачен. Сирийское слово **حليله**, которое стоит в тексте, включает оба эти значения — корона и гирлянда, однако последнее кажется нам более уместным здесь, так как именно о гирляндах идет речь в отрывке, цитированном из „Артхашастры“. Интересно, что у Ибн ал-Мукаффа¹⁰⁶ стоит не „корона“ и не „гирлянда“, а „золото“ (ذهب) его золото). См.: 171 ص كتاب كليلد و ذمنة. Вероятно, в пехлевийском тексте было слово, включающее понятия „ожерелье“, „гирлянда“, „золотое украшение“, из которых переводчик-араб выбрал „золото“ — ذهب, а сиринец — „гирлянда“ — **حليله**.

¹⁰⁴ См.: Kalilag und Damnag, S. 77.

¹⁰⁵ См.: Панчатантра, стр. 237.

¹⁰⁶ У Ибн ал-Мукаффа¹⁰⁶ сказано: ينبغي للملك ان يحصن. „Следует царю беречь —“ и т. д. См.: 171 ص كتاب كليلد و ذمنة

Говоря о связи двух памятников — „Панчатантры“ и „Артхашастры“, — следует отметить высказывание И. Д. Серебрякова, который указывает на особый характер этой связи. „И в «Панчатантре», и в «Артхашастре», по существу, та же цель, которую преследовали, судя по рассказу о глупых сыновьях царя Амаршакти, авторы «Панчатантры». Налицо как будто бы несомненная связь обоих произведений, но связь эта отрицательная, негативная, ибо если Каутилья-Вишнугупта оценивает все жизненные явления с позиций сохранения монархических привилегий, то «Панчатантра» оценивает их с позиций простого человека, демократической массы, сатирически высмеивает то, что «Артхашастра» утверждает как норму поведения правителя“.¹⁰⁷

Вряд ли можно принять приведенные выше строки, ибо несомненно, что авторы „Панчатантры“, так же как и составитель „Артхашастры“, „исходили из идеи неизбежности и необходимости царской власти“.¹⁰⁸ Именно с целью укрепления царской власти и авторитета они советуют владыке вдумчиво и серьезно относиться к выбору помощников, приближать к себе тех людей, которые могут принести пользу, поступать так, как в данный момент удобно и выгодно, и т. д. Несомненно, однако, и то, что это книга большой обличающей силы. Автор высмеивает глупого и недалекого царя, лживых и лицемерных его советников, выступает против дворцовых интриг, жестокости и клеветы. Неверно было бы думать, что „Артхашастра“ утверждает все это как норму поведения. Дело только в том, что автором „Артхашастры“ был высокий и влиятельный сановник, быть может, даже сам могущественный и властный Каутилья,¹⁰⁹ а автор „Панчатантры“ — мелкий незначительный чиновник. Именно поэтому некоторые вещи и кажутся изложенными с разных позиций.

В десятой главе „Артхашастры“ — „Испытание честности и нечестности министров посредством хитростей“¹¹⁰ — перечислено несколько способов, посредством которых царь должен испытывать верность и преданность своих помощников: а) домашний жрец, замененный для вида другим и прикинувшийся недовольным, подговаривает министров — одного за другим — сместить этого царя-беззаконника, а на его место поставить другого, справедливого. Тот министр, который откажется от этого плана, — чист. б) Военачальник, отставленный для вида за кровительство недостойным людям, подговаривает министров — одного за другим — на убийство царя со словами: Все на это согласны, а как ты? Отказавшийся — чист. И т. д. Всего существует четыре способа — „четыре вида хитростей“, посредством которых царь испытывает своих министров. Не на эти ли „хитрости“ содержится намек в речи одного из героев „Калилы и Димны“, когда он жалуется другому: „Легче ходить по морю, чем пребывать с владыками, потому что даже тот, кто любим, почитаем и постоянно с ним, если ему устраивают испытание, то иногда он выдерживает, а иногда и нет“.¹¹¹

Если это так, то, действительно, в некоторых случаях „Панчатантра“ осуждает то, что в „Артхашастре“ считается нужным и полезным. Однако различия эти отражают лишь разные взгляды отдельных групп царских чиновников, а в целом это одноплановые произведения, связанные между собой самой непосредственной и позитивной связью.

¹⁰⁷ И. Д. Серебряков. Древнеиндийская литература, стр. 48.

¹⁰⁸ П. А. Гринцер. Древнеиндийская проза, стр. 138.

¹⁰⁹ О личности Каутилья см., например, статью В. И. Кальянова „Артхашастра — важнейший памятник индийской культуры“ в книге: Артхашастра, или наука политики, стр. 522—525.

¹¹⁰ Артхашастра, или наука политики, стр. 25—27.

¹¹¹ Kalilag und Damag, S. 19.

Проследить эту связь между нашим „зерцалом“ и „Артхашастрой“ легче и проще при сравнении последней с „Панчатантрой“. Там можно установить многочисленные текстуальные совпадения, отдельные строфы, заимствованные автором „Панчатантры“ у Каутильи, наконец, общие композиционные особенности.¹¹² Однако и приведенный материал представляет, как нам кажется, определенный интерес.

Анализ предписаний, адресованных правителю, показывает, что „Артхашастра“ оказала влияние на древний санскритский сборник в самый момент его возникновения, вероятно, еще до того, как „Панчатантра“ выделилась в самостоятельную книгу. Несомненно, что с течением времени в процессе многочисленных переработок заимствования из „Артхашастры“ становились многочисленнее и конкретнее, однако основные положения — о предпочтении выгоды закону, о применении шести способов ведения внешней политики, о необходимости совещания и т. д. — были взяты с самого начала. Следовательно, в момент возникновения и оформления нашего сборника „Артхашастра“ уже существовала. Возможно, эти наблюдения, привлеченные в дополнение к уже накопленному наукой обширному материалу, могут оказаться полезными в решении вопроса о датировке „Артхашастры“.

Книга „Калйла и Димна“, как можно убедиться, была предназначена для царей, чтобы облегчить им дело управления государствами с точки зрения наибольшей для них выгоды. И читатели воспринимали ее в те далекие времена прежде всего как „зерцало“. У нас есть все основания полагать, что Ибн ал-Мукаффа¹, перевод которого сыграл в судьбе этой книги такую выдающуюся роль, заинтересовался именно этой ее стороной в первую очередь, а не забавными, занимательными притчами. Мы уже цитировали отдельные места из его предисловия, в котором он сформулировал свое отношение к этой книге, призывая читателя ценить в ней не забаву, а мудрость.

Интересно, что темы, затронутые в „Калйле и Димне“, занимали Ибн ал-Мукаффа¹ не только в связи с этой книгой. Его перу принадлежит несколько переводов и самостоятельных произведений, в которых решаются вопросы воспитания лучших качеств в характере человека и норм его поведения, а также поведения правителей, их взаимоотношений с подчиненными, вопросы государственного устройства и управления и т. д. С критикой существующей государственной системы и с конкретными предложениями ее усовершенствования выступает Ибн ал-Мукаффа¹ в „Трактате о сподвижниках (رسالة الصحابة)“. Реформы, предложенные им в этом сочинении, касаются организации войска, судопроизводства, упорядочения налоговой системы и т. п. Заканчивается трактат призывом к самоусовершенствованию, адресованным халифу. „Общество не может совершенствоваться, если не совершенствуются избранные, а избранные не могут совершенствоваться, если не совершенствуется тот, кто стоит во главе их“.¹¹³

Вопросам морали и поведения посвящены „Наставления“ — „Наставление для малых дел“ (الادب الصغير) и „Наставление для великих дел“ (الادب الكبير). В том и другом ряд поучений предназначен специально для правителей и халифов, „чтобы призвать их к выполнению своего долга по отношению к подданным и заставить их лучше подбирать везирей и вельмож“.¹¹⁴ Особенно интересно в этой связи „Наставление для великих дел“. Оно состоит из двух частей, причем первая посвящена

¹¹² См.: П. А. Гринцер. Древнеиндийская проза, стр. 114.

¹¹³ Цит. по: История арабской литературы Ханна ал-Фахури, ч. I, М., 1959, стр. 339.

¹¹⁴ Там же, стр. 341.

специально отношению правителей к их подданным. В частности, автор предостерегает здесь от спешки в решении вопросов о наградах и наказаниях. Целый ряд советов касается личной жизни правителя. Оба „Наставления“ являются как бы двумя частями одной книги и дополняют одно другое. „Наставление для великих дел“ посвящено правителям, „Наставление для малых дел“ показывает пороки и недостатки каждого человека, призывает к их устранению и к воспитанию таких качеств, которые могут украсить характер и поведение.

Непосредственно к „Наставлениям“ примыкает „Калила и Димна“. Она как бы объединяет в себе обе эти стороны, включая и свод правил для правителей, и кодекс морали и поведения каждого гражданина. Многие положения в „Наставлениях“ и в „Калиле и Димне“ сформулированы одинаково, некоторые изречения повторяются дословно в той и другой книгах.¹¹⁵

Выбор „Калилы и Димны“ для перевода не случаен, но обусловлен определенными устремлениями Ибн ал-Мукаффа. „Конгениальность переводчика с избранным им произведением здесь несомненна“, — отмечает И. Ю. Крачковский.¹¹⁶ Выделяя то общее, что характерно для указанных сочинений, можно составить представление о круге вопросов, интересовавших автора в первую очередь. Этот интерес, определивший направление литературной деятельности писателя, объясняется в значительной степени условиями его жизни.

Ибн ал-Мукаффа видел все несовершенство государственного устройства в халифате, тупую жестокость наместников, их несправедливость, произвол и т. д. И он хотел научить их уму, справедливости, честности и добру. В „Трактате о сподвижниках“ он адресовал свои советы и предложения непосредственно халифу, стремясь внушить ему мысль о превосходстве государственного строя персов.¹¹⁷

Чтобы не вызвать гнева могущественного властелина, Ибн ал-Мукаффа приходилось быть очень осторожным. Книга „Калила и Димна“, ее стиль, форма и композиция как нельзя лучше отвечали его устремлениям. С ее помощью он мог безнаказанно выразить свои тайные мысли и чувства, свое отношение к Аббасидам, нежная дружба с которыми была всего лишь притворством, свое недовольство халифом. Он мог поучать халифа, советовать одно и осуждать другое, оставаясь при этом в безопасности, хотя бы на некоторое время.

Возможно, что, принимаясь за перевод „Калилы и Димны“, Ибн ал-Мукаффа преследовал сначала более скромную цель. Служа секретарем в диване 'Исы ибн 'Али, он должен был исполнять также обязанности воспитателя его племянников, обучая их наукам и литературе. Может быть, своим воспитанникам непосредственно и предназначал Ибн ал-Мукаффа свой перевод „Калилы и Димны“, чтобы обучить их мудрости и разумному поведению, подобно тому как легендарный мудрец Вишнушарман, чтобы обучить сыновей царя Амарашакти, написал для них „Панчатантру“. Однако перевод этот вышел за рамки своей первоначальной цели и превратился в явление общественно-политического характера. „Калила и Димна“ вошла в нашу литературу, — пишет совре-

¹¹⁵ Известный арабский ученый Ахмед Зеки-паша в предисловии к изданному им в Египте „Наставлению для малых дел“ (1911) приводит три примера подобных совпадений. Число таких примеров можно значительно увеличить. Так, последние страницы этой книги — 70 ' 71 ' 72—73 — почти целиком повторяют изречения из „Калилы и Димны“.

¹¹⁶ И. Ю. Крачковский, Избр. сочинения, т. II, стр. 437.

¹¹⁷ Х. ал-Фахурй называет „Трактат о сподвижниках“ программой революции, направленной против ал-Мансура, а в „Калиле и Димне“ видит резкие нападки на тиранов. См.: ' 1972 ' جبروت العربي ' الجديد في الادب العربي ' حنا الفاخوري

менный арабский ученый Хусейн Мурувва, — чтобы обрисовать выдающиеся общественно-политические явления времени халифа ал-Мансура; она является объективным отражением исторической эпохи, характеризующим государственную и общественную жизнь арабов".¹¹⁸

Ибн ал-Мукаффа' был настоящим патриотом. Все персидское было близко ему и дорого, и видя это дорогое попорченным, униженным и угнетенным, он страдал, негодовал и боролся. „Калила и Димна“ нашла отклик в этой пламенной душе, потому что благодаря символичности ее формы и реальности содержания Ибн ал-Мукаффа' мог показать жизнь угнетенных народов, „чтобы извергнуть из душ современников вулканы обиды и разбудить в закоулках их сердец доблесть настоящего человека — и пусть они устремятся к защите своих прав, насколько это в их силах“.¹¹⁹

В. Рубен утверждает, что и автор „Панчатантры“, изображая единение животных перед лицом опасности в образе злого охотника во II главе книги, хотел сказать этим самым, что „и слабые люди должны держаться вместе против деспотов и их сборщиков налогов“.¹²⁰

Очень мало известно о Буде, сирийском переводчике „Калилы и Димны“, но и на основании этого немногого можно провести определенную параллель между ним и Ибн ал-Мукаффа'. Один — перс, приверженец религии Зороастра, наблюдающий угнетение своих соплеменников арабами, другой — перс (или сириец), христианин — несторианин, свидетель гонений на своих единоверцев со стороны ортодоксальной византийской церкви. Оба могли увидеть в „Калиле и Димне“ отражение окружающей их действительности.

„Калила и Димна“ — это авторская книга с ярко выраженной нравоучительной направленностью. Однако не совсем правы те, кто возражает против термина „народная книга“ в применении к сборникам такого типа.

В „Калиле и Димне“ соединились как бы две книги. С одной стороны, это нравоучительное тенденциозное произведение, с другой — сборник занимательных притч, басен, рассказов, в которых выразились мудрость народа, его жизненный опыт, его чаяния, надежды и его представления о лучшей жизни. „В ней (в „Калиле и Димне“, — А. П.), — пишет И. Ю. Крачковский, — мы встречаем наблюдение всех социальных условий, современных автору; впервые жизнь и нравы отразились здесь до мельчайших самых обыденных подробностей без риторической аффектации“.¹²¹

Наиболее интересный материал для наблюдения социального неравенства дают притчи-новеллы, герои которых — простые люди: ремесленники, плотники, сапожники, нищие. Один живет тем, что перепадет ему из рук богача-соседа,¹²² другой едва сводит концы с концами, а если зайдет к нему в дом кто-нибудь, и предложить гостю нечего, так как сам он съедает больше, чем зарабатывает,¹²³ третий ежедневно ходит в город, чтобы добыть себе пропитание.¹²⁴ Бедность — большое зло. Богатство, деньги — это главное, что определяет судьбу человека. „Тот, у кого большое состояние, имеет много друзей и родных, и благодаря

118 مروة حسين . كلية و دمنة — تراث عربي اصيل . الطريق ' 1907 ' العدد ' 8 ' ص 21-27 .

119 تسيم نمر . العناصر التي خلدت كتاب كلية و دمنة . الاديب ' 1973 ' العدد ' 2 ' ص 3 .

120 W. Ruben. Das Pancatantra und seine Morallehre, S. 128.

121 И. Ю. Крачковский, Избр. сочинения, т. II, стр. 442.

122 Kalilag und Damnag, S. 54.

123 Там же, стр. 40.

124 Там же, стр. 39.

богатству прославляется он сам и известны становятся его дела, — говорится устами мыши. — А дела бедного человека не увенчаются успехом".¹²⁵ И далее: „Тот, кого постигает нужда, трудную жизнь ведет с женой и детьми. Родные отрекаются от него, и друзья отворачиваются. Из-за нужды он совершает преступления и недостойные поступки. В этом мире он живет плохо и в том мире тоже будет жить плохо. Нет ничего более жалкого, чем бедняк. Он живет в скорби, и несчастья окружают его. Впавшему в нужду остается только хранить чувство собственного достоинства. Пренебречь этим чувством — потерять уважение к себе, а тот, кто лишен уважения, опозорен, оскорблен и поруган в глазах всех людей. Из-за нужды ослабевают его память и разум, а недостаток ума и памяти навлекает еще большие несчастья и оскорбления. Его словам не верят, а если кто-нибудь совершит преступление, подозрение падает на него. Бедняку легче положить свою руку в пасть дракону, выпить смертельный яд или броситься со скалы, чем попросить что-нибудь у злых людей. Говорят, что у того, кто вынужден из-за бедности просить у другого на пропитание или искать крова в чужом доме, жизнь подобна смерти, а смерть, как отдых".¹²⁶ Подобные откровения в „Калйле и Димне“ нередки.

В заключение следует отметить следующие моменты. „Калйла и Димна“ — это дидактически-морализаторское произведение, за нравоучительными сентенциями которого отчетливо и определенно выступает лицо автора. Последовательность и даже некоторая навязчивость, с какой повторяются отдельные советы и пожелания, наводят на мысль о том, что они продиктованы интересами самого автора, и позволяют предполагать среду, из которой он вышел. Это один из чиновников, приближенных царя, отстраненный, очевидно, за какую-то провинность. Положение его довольно сложно: с одной стороны, желание вернуть утраченное расположение владыки, с другой — боязнь его гнева. Поэтому поучения и предостережения сопровождаются зачастую восторженными похвалами владыке, поэтому и привлечены те многочисленные аналогии из жизни других царей, мудрых или недостойных, которые мы находим во вставных историях.

Вставные истории, пословицы и поговорки, взятые автором из сокровищницы народного творчества и приведенные для иллюстрации поучений, — как бы второе лицо книги. В них объективное, лишенное тенденциозности и „риторической аффектации“ отражение жизни народа, его мудрость и жизненный опыт. И в этом плане „Калйлу и Димну“ можно условно назвать „народной книгой“.

A. V. Paikova

THE BOOK „KALILA AND DIMNA“ AS A MIRROR

The book „Kalila and Dimna“ has a didactic character. Its main and primary purpose is to teach the kings to rule the state. These lectures are scattered all over the text of the book, mixed with the proverbs, the sayings and the entertaining histories. Distinguished from a mass of this amusing material, they put together a harmonious and fi-

¹²⁵ Там же, стр. 42.

¹²⁶ Там же, стр. 43.

nished code of the rules for the solution of the questions of the foreign and home state politics. In this aspect „Kalila and Dimna“ has the great resemblance to Kautilia's „Arthashastra“.

„Kalila and Dimna“ is an author's book. The autor's face is projected quite distinctly. It is one of the kings functioners, pushed aside for some guilt and aspired to return the inclination of the king.

The second aspect is that, the book is full with the inserted stories, proverbs and anecdotes taken by the author from folklore. In this aspect it is possible to see conditionally in the „Kalila and Dimna“ a people's book.
